

**СПЕШИЛОВА
ЕЛИЗАВЕТА
ИВАНОВНА**

Магистр философии,
научный сотрудник НОЦ
«Гуманитарная урбанистика».

Новгородский
государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия.

Ответственный секретарь
научного журнала
«Визуальная теология».

E-mail: e.speshilova@yandex.ru

УДК 141.2

**ЛЮДИ, ГОРОДА И СЕТИ:
ФЛАНИРОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

Аннотация. В статье исследуются антропологические аспекты интеграции информационно-коммуникационных технологий в жизненный мир городского жителя. Критически рассматривается концепция «умных» городов и демонстрируется, что она ориентирована только на определённый тип горожан и приводит к появлению городских районов с высокой степенью джентрификации и укоренению неравенства на рынке труда. Оставляя за рамками внимания политические и экономические вопросы развития «умного» / цифрового города, автор анализирует, какие методы освоения городского пространства человек использует в связи с возникновением новых технологий, в том числе GPS-навигации. Кроме того, в статье делается акцент на исследовании практик реального и виртуального фланирования как одного из методов восприятия городского пространства. Выявляется амбивалентность существующих интерпретаций фланёра. Демонстрируется, что в одних работах фланёр понимается как праздный гуляка, бесцельно плывущий по городу, тогда как в других – как внимательный исследователь, подмечающий особенности и нюансы городской жизни. Автор предлагает рассматривать фланирование в качестве первичного этапа активного встраивания человека в городскую жизнь, первого «акта» принятия на себя ответственности за городскую среду, а цифровые технологии – как одно из значимых средств реализации права на город.

Ключевые слова: человек, цифровые технологии, антропология, городские исследования, умный город, цифровой город, городские практики, право на город, фланёр.

© Спешилова Е. И. 2023

**Исследование выполнено за счёт гранта Российского
научного фонда, проект № 21-18-00103,
<https://rscf.ru/project/21-18-00103/>**

Elizaveta I. Speshilova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

E-mail: e.speshilova@yandex.ru

**PEOPLE, CITIES AND NETWORKS:
FLÂNERIE IN THE DIGITAL AGE**

Abstract. The article explores the anthropological aspects of the integration of information and communication technologies (ICT) into the life world of an urban dweller. The paper critically examines the concept of smart cities and demonstrates that it focuses only on a certain type of citizen and leads to urban areas with a high degree of gentrification and entrenched labor market inequality. Leaving aside the political and economic aspects of the smart / digital city development, the author analyzes what methods of urban space perception a person uses in connection with the emergence of new technologies, including GPS navigation. In addition, the article focuses on the study of real and virtual flânerie as one of the methods of perceiving urban space. The ambivalence of existing interpretations of flâneur is revealed. It is demonstrated that in some works the flâneur is understood as an idle walker, floating aimlessly through the city, while in others – as an attentive researcher, noting the peculiarities and nuances of urban life. The author proposes to consider flânerie as the primary stage of active incorporation of a person into urban life, the first “act” of assuming responsibility for the urban environment, and digital technologies as one of the significant means of realizing the right to the city.

Keywords: human being, digital technologies, anthropology, urban studies, smart city, digital city, urban practices, right to the city, flâneur.

**The work was written within the framework of the grant project supported by the Russian Science Foundation Project No. 21-18-00103.
<https://rscf.ru/project/21-18-00103/>**

DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-26-38

«Цифровой человек» и «цифровой город» – эти термины, которые ещё недавно являлись сравнительно новыми для антропологических и городских исследований, в настоящий момент уже прочно закрепились в академическом дискурсе [Коршунов 2021; Cocchia 2014; Friedman 2023]. Несмотря на то, что значение этих понятий несколько варьируется от автора к автору, остаётся вполне ясным стремление зафиксировать таким образом те изменения, которые происходят и с человеком, и с городом в связи с активным распространением информационно-коммуникационных технологий и переносом различных социокультурных практик в цифровое пространство. И люди, и города попали в Сеть. Вопрос в том, в каком ракурсе следует это оценивать: запутались ли они в Сети или, напротив, стали объединены одной Сетью? Коннотации понятия «сеть» весьма разнятся: существует как вполне нейтральное понимание сети в качестве совокупности связанных между собой элементов, которые обмениваются информацией или ресурсами, так и настороженное отношение к сети как к ловушке, в которую можно попасть и из которой весьма сложно выпутаться. И конкретная – позитивная или негативная – аксиологическая оценка сетевых форм взаимодействия «человек – человек» или «человек – город» оказывается одним из определяющих факторов для цифровой антропологии в целом.

Современные города окутаны волоконно-оптическими линиями связи, датчиками движения, GPS-трекерами, камерами фото- и видеofиксации, а также различными другими средствами коммуникации, способными в режиме реального времени транслировать полученные данные по цифровым каналам. Современные люди готовы эти данные поглощать и в то же время самостоятельно производить иные ценные данные, оставляя в Сети свой цифровой след – информацию о том, где они были или хотят побывать, что они искали, чем интересовались и что видели, что им нравится, а что нет. Как отмечает Роб Китчин, «мы вступаем в эпоху, когда компьютеризация является неотъемлемой составляющей городской среды, город опутан сетями, а люди не расстаются со смартфонами, обеспечивающими их связанность с другими людьми и доступ к информации» [Китчин 2021: 58–79]. Огромные потоки данных, которые генерируются разными способами и затем алгоритмически обрабатываются, активно используются для управления городскими процессами и контроля городской жизни.

В связи с этим формируется концепция «умных» городов – таких городов, в которых новые технологии играют существенную роль в решении социально-экономических городских проблем и улучшают качество городской жизни [Schaffers et al. 2011: 431]. Однако при всём этом нередко вне поля зрения остаётся сам человек – горожанин, который призван или вынужден пользоваться городскими технологическими инновациями [Спешилова 2022: 109]. Житель города зачастую подвергается антропологической редукции и рассматривается только как очередное функциональное звено в «умной» инфраструктуре. В лучшем случае в концепции «умных» городов речь идёт о значимости «умного» сообщества [Caragliu et al. 2011: 69] или «креативного класса» [Флорида 2007: 85], то есть творческой, образованной и высококвалифицированной рабочей силы, тогда как остальные горожане оказываются вне зоны этого

«заботливого» внимания. Им или вовсе нет места в «умной» и идеализированной картинке городской жизни, или предназначена роль сервисного персонала, живущего на городской периферии и обладающего весьма ограниченными правами и возможностями. Политика «умного» города адаптирована к желаниям высококомобильных профессионалов и специалистов, подкованных в IT-технологиях, однако наносит ущерб менее обеспеченным жителям [Krivý 2018: 15], приводит к появлению районов с высокой степенью джентрификации и укоренению неравенства на рынке труда [Hollands 2008: 314–315]. Наглядная иллюстрация такого классового разрыва – Сингапур, один из «умнейших» городов мира, в котором, наряду с невероятной архитектурой, экономическим процветанием и насыщенностью городской среды современными технологиями, в весьма жёстких и ограниченных условиях живут трудовые мигранты¹. «Умный» или «цифровой» город не является панацеей, средством для решения всех городских проблем, тем более, когда за ними не видят самого главного – человека.

В представленном исследовании мы постараемся сосредоточиться не на экономических или политических аспектах интеграции информационно-коммуникационных технологий в жизненный мир горожанина (об этом уже немало сказано), а на антропологическом значении данного процесса. Иначе говоря, рассматривая трансформации, происходящие с городом и человеком в связи с развитием цифровых технологий и сетевых средств коммуникации, мы будем рассуждать в русле городской антропологии, предмет которой – это «не сам по себе город, и не сам по себе человек, а *поиск человеком своего места в городе*, обретение им этого места и, соответственно, те городские практики, благодаря которым это место обретается» [Смирнов 2021: 14]. Поэтому важно проанализировать именно то, как чувствует себя человек в мире городских больших данных, какие методы освоения городского пространства он использует в связи с возникновением новых технологий, как – на примере планирования – изменяются классические практики восприятия городского пространства и как, в итоге, цифровые технологии становятся для горожанина одним из значимых способов реализации своего права на город.

***

В очерке «Большие города и духовная жизнь», опубликованном в 1903 году, Георг Зиммель писал о том, что человек нигде не чувствует себя «таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов» [Зиммель 2002], среди несоизмеримо высоких архитектурных сооружений и спешащих по своим делам жителей. Равным образом одиноким можно считать и человека в Сети – маленького человека среди больших массивов данных, планирующего с одной web-страницы на другую.

Фланёр – фигура, появившаяся в городской культуре XIX века и отражающая особенности того времени, – неоднозначный и амбивалентный тип горожанина, который осваивает городское пространство. Кем он является? Праздным гулякой, шатающимся по городу и насыщающимся городскими визуаль-

¹ Реальный пример такого разделения можно увидеть во фрагменте «“Крепостные” в Сингапуре: домработницы и их права» (00:48:23) выпуска «Сингапур: роскошь без коррупции, жизнь без свободы» на YouTube-канале Ильи Варламова (<https://www.youtube.com/watch?v=GUnJwkRzhEM>).

ными образами, или чутким исследователем, стремящимся расшифровать городскую текст, сосредоточиться на его особенностях и нюансах? Фланёр – это бездельник, пытающийся спастись от скуки, или один из первых городских антропологов? И если мы можем обнаружить его в современной городской культуре, то в какой «ипостаси»?

Как пишет Ольга Вайнштейн, первоначально слово «flaneur» – «свободный прохожий, любитель праздных прогулок» – вошло в обиход начиная с 30-х годов XIX века, а само фланирование было устойчивым атрибутом жизни «дендистской молодёжи и парижской литературной элиты» [Вайнштейн 2005: 190]. Однако постепенно фланирование стало приобретать философский подтекст, а сам фланёр стал интерпретироваться как неспешный мудрец, созерцатель, рассматривающий и «читающий» людей и городскую ткань словно открытую книгу. Такую трансформацию понимания фланёра отмечает В. А. Мильчина в работе «Фланёр в Париже», в которой приводится несколько весьма ярких и красочных вариантов описания этого героя. Так, в книге 1826 года «Фланёр, живописная, философическая и моральная галерея всего любопытного и замечательного, что есть в Париже: сочинение завсегдатая Гентского бульвара» Ж.-Б.-О. д'Альдегье говорится о том, что

«бульвары суть галереи фланёров, именно там можно увидеть, как они прогуливают свою бесполезность пешком, верхом, в тильбюри, в купе, в коляске, в ландо. Видеть и быть на виду – вот зачем происходит всё движение на бульваре. А рождается это желание от скуки» [Мильчина 2018: 233].

В то же время совершенно иная трактовка представлена в одном из очерков монографии «Парижане о себе и своём городе: “Париж, или Книга Ста и одного”» (1831), где фланёр понимается уже не как бесцельный соглядатай, а как тот, кто истолковывает увиденную городскую реальность и семиотически её анализирует. Об этой дихотомии интерпретации фланёра упоминает и Михаил Ямпольский, показывающий, что «фигуру нововременного Наблюдателя дополняет фигура Фланёра, ветреного “зевачи”, прогуливающегося по городским улицам и высматривающего различные “диковинки”». Вместе с тем он приводит черты фланёра, описанные Огюстом де Лакруа: «благодаря необыкновенной проницательности он [фланёр] является сборщиком неслыханных богатств в широком поле наблюдения, где вульгарный прохожий видит лишь поверхность» [цит. по Батаева 2012: 62].

Вариативность интерпретаций фланёра также заметна в трудах, которые являются классикой для исследователей города. Так, с одной стороны, Оноре де Бальзак благодаря своему включённому наблюдению за жизнью парижан придал практике фланирования статус исследовательского метода, который далёк от праздности и бесцельности. С другой стороны, «с лёгкой руки» Вальтера Беньямина, фланёр впоследствии был вновь дискредитирован и определён как «социальный тип, символизирующий капиталистическую современность» [Мильчина 2018: 236], то есть получил негативные коннотации.

Сохраняется ли практика фланирования сегодня, в нашей технологической современности? Каков современный фланёр? И как меняются практики фланирования в связи с развитием цифровых технологий? Безусловно, можно отметить, что фланирование частично мигрирует из реальности в вирту-

альность – в пространство социальных сетей и цифровых лабиринтов². Фланёр, как зевака, бесцельно плывущий по городским улицам, теперь с тем же успехом свободно и непринуждённо прогуливается по страницам веб-сайтов и личным аккаунтам, рассматривает фотографии и видео, насыщая себя потоком визуальных образов. Он не имеет «сознательных ориентиров в своём продвижении», а совершает «блуждающее действие», словно «корабль без руля и ветрил», плывущий по Мировому океану [Смирнов 2021: 19]. Зачастую такое фланирование бесцельно и связано со стремлением занять себя, отвлечься от текущих малоприятных дел или избавиться от скуки. Однако виртуальное фланирование лишено размеренности и несуетности, свойственной для фланирования XIX века: визуальные образы в ленте социальных сетей сменяются, словно в калейдоскопе, хаотично и сиюминутно, поэтому в цифровом фланировании отчасти теряется практика медленного смакования и наслаждения увиденным.

Вместе с тем виртуальное фланирование может являться не просто пустым времяпрепровождением, но и исследовательской практикой. Как отмечает Скотт Маккуайр, в XXI веке «самопрезентация приобрела свойство *перманентной кампании конструирования себя* в социальных сетях» [Маккуайр 2018: 76]. В Сети создаётся как определённый образ человека, так и определённый образ города. Это может быть самопрезентация (хотя, конечно, в отношении города этот термин можно использовать лишь с долей условности): например, когда человек стремится представить себя в лучшем свете³, показать свою насыщенную путешествиями, яркими событиями и различными достижениями жизнь, или когда представители городской администрации публикуют в Сети красочные виды города, впечатляющие проекты новых ЖК, отчитываются о замечательных культурных, спортивных и иных мероприятиях, которые проводятся в городе. Но это может быть и взгляд со стороны, случайный кадр, запечатлевший человека, возможно, не в том месте и не в том виде, о которых бы он хотел помнить, или город – с разбитыми дорогами, грязными улицами и обветшавшими фасадами. Задача фланёра, путешествующего по интернет-пространству, может заключаться в изучении цифровых репрезентаций различных городских территорий, анализе официального образа города и тех представлений, которые формируются стихийно, нецеленаправленно и отражают городскую среду во всём её многообразии. Возможности реального городского фланирования, как правило, ограничены территорией проживания самого фланёра и редкими поездками за пределы родного города, тогда

² По данным Mediascope, россиянин в среднем проводит 3 часа 40 минут в день в Интернете, при этом больше половины этого времени пользователи тратят на три крупнейших жанра: социальные сети (21 %), видео (18 %) и мессенджеры (15 %). URL: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf.

³ Как отмечает Кристиана Вагнер, «повсеместное использование селфи в социальных сетях не оставляет сомнений в том, что это реальность позирования и моментов успеха и идеальной жизни. Любой человек может завести аккаунт в социальных сетях и создавать изображения, особенно свои собственные, имея в своём распоряжении готовые и простые в использовании ресурсы для применения фильтров, которые манипулируют изображениями, идеализируя их. Опыт обмена этими эфемерными моментами – в основном искусственно улучшенными или полностью выдуманными – стимулирует не только чувства вознаграждения, удовольствия и счастья, которые не соответствуют действительности, но и, в частности, соревновательность между другими пользователями, разделяющими ту же практику [Wagner 2023: 19].

как виртуальное фланирование позволяет познакомиться с невиданными городскими пространствами и вообразить их, что, в итоге, может стать триггером для настоящего посещения конкретной локации.

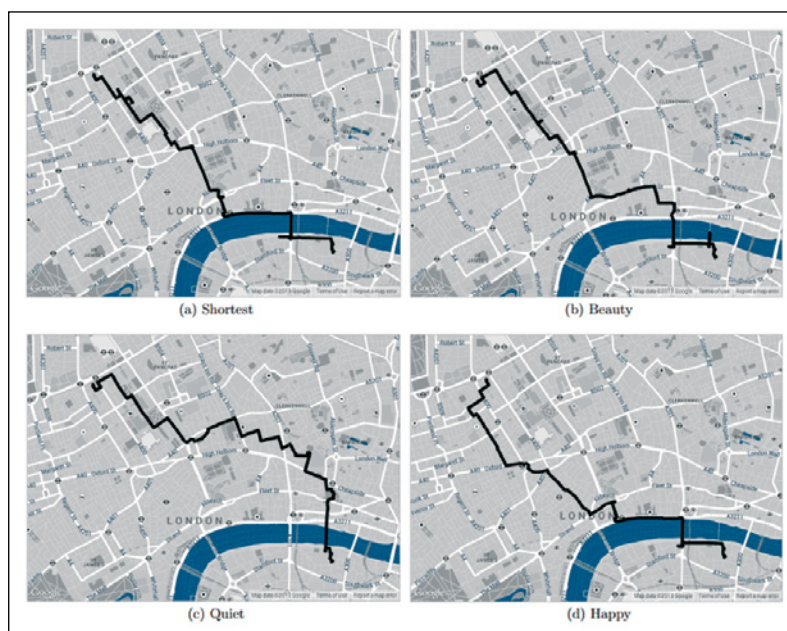
Нельзя не отметить, что цифровое фланирование, впрочем, как и реальное, таит в себе и опасности. Как пишет Эдвард Соджа, опираясь на слова Умберто Эко, сейчас мы всё больше погружаемся в море «реальных подделок» (“real-fakes”) и «абсолютно фейковых городов» (“absolutely fake cities”), реконструированных фантастических миров, которые даже «более реальны, чем реальность», поскольку на основе «виртуальной реальности», «искусственного интеллекта» и «цифрового сообщества» создаются целые новые кибермиры [Soja 2000: 325]. Современные цифровые технологии позволяют не только воспроизводить реальную городскую среду в виртуальном пространстве, но и генерировать то, чего нет: приукрашивать, дополнять и видоизменять образ существующих городов или создавать нечто совершенно необыкновенное. И в случае если нереальное выдаётся за существующее на самом деле, фланёр может оказаться дезориентированным и введённым в заблуждение.

Несмотря на распространение практик цифрового фланирования, стоит сказать, что «ареал обитания» современного фланёра не ограничивается одним лишь виртуальным пространством, мы можем обнаружить его и в реальной городской среде. Конечно, здесь можно сделать ремарку в отношении увеличения динамичности городской жизни нашего времени, но горожане, пусть не так часто и регулярно, как денди XIX века, и сейчас стремятся неспешно прогуливаться в выходные дни или другое свободное время по набережным, скверам, тенистым улочкам или даже по торговым центрам – современным аналогам парижских пассажей. Жители города принаряжаются сами и в то же время смотрят, как презентуют себя другие; они, как и остальные, одновременно занимают позицию наблюдателя и наблюдаемого. Более того, период COVID-заточения особенно подчеркнул то, насколько ценной практикой является прогулка по городу, возможность выйти за пределы комнаты и стать частью городской жизни. В то же время современные практики фланирования по городу дополняются новыми технологиями, в частности, средствами GPS-навигации, которые оказывают значительное влияние на восприятие городской среды.

Вопрос влияния информационно-коммуникационных технологий на наши отношения с застроенной средой и активного распространения навигационных технологий, встроенных в мобильные устройства, рассматривает Колин Эллард в книге «Среда обитания» [Эллард 2018: 232–245]. Отмечая явную полезность таких технологий, он предлагает оценить и те негативные эффекты, которые они могут оказать. Причём речь в данном случае идёт даже не об очевидности возможных ошибок GPS-навигаторов, слепое следование которым может завести пользователя в абсолютно непредсказуемые места. Гораздо более значимой проблемой становится потеря человеком навыков самостоятельного ориентирования и деградация способности конструировать когнитивную карту местности. Согласно различным исследовательским данным [Там же], это может привести к дегенеративным изменениям, похожим на те, что наблюдаются при деменциях, характерных для болезни Альцгеймера.

Как подчёркивает Эллард, «GPS-датчики в наших мобильных телефонах не дают нам заблудиться, и благодаря им мы видим эту голубую точку на экране, слепо ведущую нас, как извращённый аналог фонаря Диогена, не к мудрости, а к запрограммированной цели» [Эллард 2018: 239]. Подобная выхолощенная практика навигации по городу лишена своего социального значения, связанного с такими простыми действиями, как уточнение пути у прохожего, разговор с местным жителем, внимательное всматривание в окружающую среду. За счёт доминирования навигационных систем планирование может превратиться просто в перемещение из точки А в точку В, торжество функционального подхода и эффективности.

Однако здесь важно заметить и наличие действительно антропологически ориентированных практик планирования, связанных с технологиями GPS. Так, например, в лаборатории компании Yahoo в Барселоне было разработано GPS-приложение, которое помогает пользователю выбрать тип маршрута – короткий, красивый, тихий и даже счастливый – для достижения нужного места в городе. Авторы проекта в статье «Кратчайший путь к счастью» [Quercia et al. 2014] на основании информации об эстетической и эмоциональной ценности определённых мест в городе, собранной от пользователей, предлагают варианты различных маршрутов по Лондону (ил. 1), Бостону, Берлину и Торонто. К сожалению, пока что такие пешеходные маршруты остаются скорее исключением, нежели распространённой практикой навигации по городским территориям.

Ил. 1. Карта, показывающая различные маршруты между площадью Юстон и галереей Тейт Модерн в Лондоне [Quercia et al. 2014: 5]

Фигура фланёра не является единственной в палитре городских персонажей, и отчасти справедливо замечание о том, что «событийная невстроенность, невключённость, а лишь сиюминутное любопытство, необязательная и кратковременная любознательность» фланёра не позволяет видеть в нём

полноценного нового персонажа для идентификации городских исследователей [Смирнов 2021: 24]. Однако фланирование можно рассматривать и как исходный, базовый этап для дальнейшего активного встраивания в городскую жизнь, первый «акт» реализации своего права на город и принятия на себя ответственности за городскую среду.

Так, например, от непринуждённого фланирования по городским информационным ресурсам горожанин может перейти к активной демонстрации своей гражданской позиции и защите того образа города, который для него важен. Яркий пример – ситуация, случившаяся в Великом Новгороде в мае этого года, когда жители города смогли приостановить монтаж кофейного павильона «КофеМолка» на территории Новгородского кремля благодаря интенсивной критике этого события в социальных сетях и широкому общественному резонансу⁴. Проект установки кофейного павильона в Новгородском кремле (ил. 2), памятнике Всемирного наследия ЮНЕСКО, согласно данным Новгородского музея-заповедника, получил разрешение Министерства культуры РФ, однако для горожан это событие стало неожиданностью. Более того, на новгородском портале отметили, что «кофейню ставят на алее смерти» – месте, которое во время оккупации Великого Новгорода захватчики использовали для казни партизан⁵.

Ил. 2. «КофеМолка» в Новгородском кремле. Фото: Новый город, 2023.

Более 70 % интернет-пользователей высказались против установки павильона КофеМолки в Новгородском кремле⁶. Различные авторы стали предлагать визуализации кофейного павильона в сочетании с иными памятными объектами, являющимися знаковыми для Великого Новгорода (ил. 3, 4), тем самым показывая абсурдность сложившейся ситуации. В итоге, павильон КофеМолки в Новгородском кремле был демонтирован.

⁴ <https://53news.ru/novosti/v-novgorodskom-kremle-pristupili-k-demontazhu-kofemolki.html?ysclid=Imp8yauhgp692855289>.

⁵ <https://gpvn.ru/42371?ysclid=lmrra062p9721344438>

⁶ https://vk.com/wall-40496980_9731235?ysclid=lmrr9yunpy243108964

Ил. 3. Визуализация «КофеМолки» в строительных лесах монумента Победы в Великом Новгороде.

Источник: https://vk.com/nov_roofers, 2023.

Ил. 4. Визуализация «КофеМолки» внутри памятника «Тысячелетие России». Неизвестный автор, 2023.

Появление онлайн-технологий сделало возможным формирование сетевых объединений горожан, которые являются важными самостоятельными агентами городской жизни, готовыми выразить свою позицию и защищать определённые интересы, используя «онлайн-платформы как наиболее удобную и доступную им форму коммуникации» и при этом оказывая воздействие на реальную городскую среду [Запорожец, Лапина-Кратасюк 2021: 40–42]. Благодаря новым технологиям жителям удалось сохранить облик Великого Новгорода как исторического города и перейти от простого планирования по Сети к цифровой форме реализации своего права на город.

***

Подводя итог, отметим, что фланирование в цифровую эпоху трансформируется, поскольку меняется сама городская среда. Однако и потребность немного побездельничать, послоняться по городским улочкам и поглазеть на других, и стремление к спокойному и вдумчивому созерцанию городской ткани сохраняется у современных жителей города и по-прежнему остаётся частью городской культуры. Несмотря на распространённость, открытость и доступность видов различных городов в цифровой форме, человек стремится увидеть оригинальное, реальное, подлинное городское пространство, пройти по нему и почувствовать его во всей полноте. «Если пространственный порядок организует ансамбль возможностей и запретов, то пешеход реализует какие-то из этих возможностей; он даёт им бытие» [де Серто 2008: 29]. Человек даёт бытие тому образу города, который его привлекает, воплощает его, вышагивая свой путь в настоящей городской среде, блуждая, меняя маршрут и импровизируя. Таким образом человек переходит от абстрактного представления к проживанию города, а реальная «пешеходная антропология становится попыткой возвращения человеком себе города, его мерности самому себе, возвращения соразмерности человека и города» [Смирнов 2019: 27]. Человек, насыщенный фрагментарными цифровыми отрывками городской среды, выстраивает свою личную траекторию, фланируя по реальному городу, пишет персональную «историю, противостоящую репрезентациям» [де Серто 2008: 25], уникальную и значимую именно для его жизненного мира.

Библиография

- Батаева 2012 – Батаева Е. В. Фланёрство и видеомания: современные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 61–68.
- Вайнштейн 2005 – Вайнштейн О. Б. Дендистские прогулки, или О прелестях фланирования // О. Б. Вайнштейн. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 189–199.
- де Серто 2008 – де Серто М. По городу пешком / Пер. с фр. // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24–38.
- Запорожец, Лапина-Кратасюк 2021 – Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города: Люди. Технологии. Власти. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 10–54.
- Зиммель 2002 – Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. // Логос. 2002. № 3. С. 23–34.
- Китчин 2021 – Китчин Р. Сетевой урбанизм, основанный на данных / Пер. с англ. // Сети города: Люди. Технологии. Власти. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 57–80.
- Коршунов 2021 – Коршунов В. В. Цифровой человек: новый зритель и новый персонаж // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2(43). С. 21–33.
- Маккуайр 2018 – Маккуайр С. Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства / Пер. с англ. И. Третьякова. М.: Strelka Press, 2018.
- Мильчина 2018 – Мильчина В. А. Фланёр в Париже // Шаги / STEPS. 2018. Том 4. № 3–4. С. 231–246.
- Смирнов 2019 – Смирнов С. А. Человекообразность города // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. Вып. 2 (20). С. 13–32.

- Смирнов 2021 – Смирнов С. А. Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (1) // *Urbis et Orbis*. Микроистория и семиотика города. 2021. № 1. С. 12–36.
- Спешилова 2022 – Спешилова Е. И. Человек в «умном» городе: антропологические эффекты и гуманитарные риски // *Человек*. 2022. Том 33. № 6. С. 105–119.
- Флорида 2007 – Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007.
- Эллард 2018 – Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Caragliu et al. 2011 – Caragliu A., Del Bo Ch., Nijkamp P. Smart Cities in Europe // *Journal of Urban Technology*. 2011. Vol. 18 (2). P. 65–82.
- Cocchia 2014 – Cocchia A. Smart and Digital City: A Systematic Literature Review // Dameri R., Rosenthal-Sabroux C. (Eds.). *Smart City. How to Create Public and Economic Value with High Technology in Urban Space*. Springer, 2014. P. 13–43.
- Friedman 2023 – Friedman A. *The Sustainable Digital City*. Springer, 2023.
- Hollands 2008 – Hollands R. Will the Real Smart City Please Stand Up? // *City*. 2008. Vol. 12 (3). P. 303–320.
- Krivý 2018 – Krivý M. Towards a Critique of Cybernetic Urbanism: The Smart City and the Society of Control // *Planning Theory*. 2018. Vol. 17 (1). P. 8–30.
- Quercia et al. 2014 – Quercia D., Schifanella R., Aiello L. M. The Shortest Path to Happiness: Recommending Beautiful, Quiet, and Happy Routes in the City // *Proceedings of the 25th ACM Conference on Hypertext and Social Media*. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/reader/46224e2d514ffc900cfef332cd7447dbd7111b78> (date of access: 19.09.2023).
- Schaffers et al. 2011 – Schaffers H., Komninos N., Pallot M., Trousse B., Nilsson M., Oliveira A. Smart Cities and the Future Internet: Towards Cooperation Frameworks for Open Innovation // Domingue J. et al. (Eds.). *The Future Internet*. FIA 2011. *Lecture Notes in Computer Science*. 2011. Vol. 6656. P. 431–446.
- Soja 2000 – Soja E. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Blackwell Publishing, 2000.
- Wagner 2023 – Wagner C. *Visualizations of Urban Space. Digital Age, Aesthetics, and Politics*. Routledge, 2023.

References

- Bataeva 2012 – Bataeva E. V. Flânerie and Videomania: Modern and Postmodern Visual Practices. *Voprosy Filosofii*. 2012. 11. P. 61–68. In Russian.
- Caragliu et al. 2011 – Caragliu A., Del Bo Ch., Nijkamp P. Smart Cities in Europe. *Journal of Urban Technology*. 2011. Vol. 18 (2). P. 65–82.
- Cocchia 2014 – Cocchia A. Smart and Digital City: A Systematic Literature Review. Dameri R., Rosenthal-Sabroux C. (Eds.). *Smart City. How to Create Public and Economic Value with High Technology in Urban Space*. Springer, 2014. P. 13–43.
- de Certeau 2008 – de Certeau M. Marches dans la ville. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2008. Vol. 7 (2). P. 24–38.
- Ellard 2018 – Ellard C. *Places of the Heart: The Psychogeography of Everyday Life*. Transl. into Russian. Moscow, 2018.
- Florida 2007 – Florida R. *The Rise of the Creative Class, And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Transl. into Russian by A. Konstantinov. Moscow, 2007.
- Friedman 2023 – Friedman A. *The Sustainable Digital City*. Springer, 2023.

- Hollands 2008 – Hollands R. Will the Real Smart City Please Stand Up? *City*. 2008. Vol. 12 (3). P. 303–320.
- Kitchin 2021 – Kitchin R. Data-driven, networked urbanism. Transl. into Russian. *City Networks: People. Technology. Authorities*. Moscow, 2021. P. 57–80.
- Korshunov 2021 – Korshunov V. V. Digital Human Being: New Viewer and New Character. *International Journal of Cultural Research*. 2021. 2 (43). P. 21–33. In Russian.
- Krivý 2018 – Krivý M. Towards a Critique of Cybernetic Urbanism: The Smart City and the Society of Control. *Planning Theory*. 2018. Vol. 17 (1). P. 8–30.
- McQuire 2018 – McQuire S. Geomedia: Networked Cities and the Future of Public Space. Transl. into Russian. Moscow, 2018.
- Milchina 2018 – Milchina V. A. The Flâneur in Paris. *Shagi / Steps*. 2018. Vol. 4 (3). P. 231–246. In Russian.
- Quercia et al. 2014 – Quercia D., Schifanella R., Aiello L. M. The Shortest Path to Happiness: Recommending Beautiful, Quiet, and Happy Routes in the City. *Proceedings of the 25th ACM Conference on Hypertext and Social Media*. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/reader/46224e2d514ffc900cfef332cd7447dbd7111b78> (date of access: 19.09.2023).
- Schaffers et al. 2011 – Schaffers H., Komninos N., Pallot M., Trousse B., Nilsson M., Oliveira A. Smart Cities and the Future Internet: Towards Cooperation Frameworks for Open Innovation. *Domingue J. et al. (Eds.). The Future Internet. FIA 2011. Lecture Notes in Computer Science*. 2011. Vol. 6656. P. 431–446.
- Simmel 2002 – Simmel G. The Metropolis and Mental Life. Transl. into Russian. *Logos*. 2002. 3. P. 23–34.
- Smirnov 2019 – Smirnov S. A. Human Dimension of City. *PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 2 (20). P. 13–32. In Russian.
- Smirnov 2021 – Smirnov S. A. A Person in a City and a City in a Person, or Once Again about the Subject of Urban Anthropology (1). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 12–36. In Russian.
- Soja 2000 – Soja E. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Blackwell Publishing, 2000.
- Speshilova 2022 – Speshilova E. I. Person in a Smart City: Anthropological Effects and Humanitarian Risks. *Chelovek*. 2022. Vol. 33 (6). P. 105–119. In Russian.
- Wagner 2023 – Wagner C. Visualizations of Urban Space. Digital Age, Aesthetics, and Politics. Routledge, 2023.
- Vainshtein 2005 – Vainshtein O. B. Dandy Walks, or the Delights of Flânerie. *O. B. Vainshtein. Dandy: Fashion, Literature, Lifestyle*. Moscow, 2005. P. 189–199. In Russian.
- Zaporozhets, Lapina-Kratasyuk 2021 – Zaporozhets O., Lapina-Kratasyuk E. Network / Digital / Smart City: Facades and Backyards. *City Networks: People. Technology. Authorities*. Moscow, 2021. P. 10–54. In Russian.